

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.06.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

КОРНЕВА К.А.,

*аспирант Юридической школы Дальневосточного федерального университета,
ассистент кафедры гражданского права и процесса*

*Юридической школы Дальневосточного федерального университета,
e-mail: korneva.ka@dofu.ru*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ПО Ч.1 СТ.303 УК РФ

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы уголовно-правовой оценки фальсификации доказательств применительно к третейскому разбирательству и международному коммерческому арбитражу. Анализируются пределы действия статьи 303 УК РФ и обусловленная ими невозможность привлечения к уголовной ответственности за представление фальсифицированных доказательств в рамках третейского разбирательства. Обосновывается общественная опасность таких деяний с учетом правовых последствий решений третейских судов и их последующего признания и принудительного исполнения государственными судами. На основании проведенного анализа формулируется вывод о наличии пробела в уголовно-правовом регулировании и предлагается рассмотреть возможность установления самостоятельной уголовной ответственности за умышленное представление фальсифицированных доказательств в третейском разбирательстве.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, преступления против правосудия, третейское разбирательство, международный коммерческий арбитраж, уголовная ответственность, статья 303 УК РФ, криминализация, фальсифицированные доказательства.

KORNEVA K. A.,

*postgraduate student of the Law School of the Far Eastern Federal University,
assistant of the Department of Civil Law and Procedure of the
Law School of the Far Eastern Federal University*

ON SOME FEATURES OF THE CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT OF THE FALSIFICATION OF EVIDENCE IN CIVIL CASES UNDER PART 1 OF ARTICLE 303 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines certain issues concerning the criminal-law assessment of falsification of evidence in arbitration proceedings and international commercial arbitration. It analyzes the scope of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the resulting impossibility of imposing criminal liability for the submission of falsified evidence in arbitration proceedings. The author substantiates the public danger of such conduct, taking into account the legal consequences of arbitral awards and their subsequent recognition and enforcement by state courts. Based on the analysis, the article identifies a gap in criminal-law regulation and proposes considering the introduction of a separate criminal provision establishing liability for the intentional submission of falsified evidence in arbitration proceedings.

Key words: falsification of evidence, crimes against justice, arbitration proceedings, international commercial arbitration, criminal liability, Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminalization, falsified evidence.

С введением в действия УК РФ появилась ст.303 УК РФ, предусматривающая ответственность за преступления против правосудия. Общественная опасность данной категории преступлений не вызывает сомнений, поскольку этими преступлениями подрывается нормальная деятельность суда, чем дискредитируется существующая в РФ судебная система. При безнаказанном представлении в суд фаль-

сифицированных доказательств возникает риск принятия несправедливого и неправового решения.

Согласно ст. 118 Конституции РФ правосудие в РФ осуществляется только судом и только посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства.

При этом глобализационный расцвет законо-

мерно определяет тенденции к трансграничному сотрудничеству. Так, международный коммерческий арбитраж является одним из альтернативных способов урегулирования спора и основным способом разрешения споров в трансграничных экономических отношениях.

Поскольку ст.303 УК РФ является по своей сути преступлением против правосудия, то фальсификация доказательств, представленных в разбирательство в международном арбитраже, не охватывается данным составом. Безусловно, международный арбитраж в значительной степени изолирован от вмешательства государственных судов, однако арбитраж по-прежнему зависим от поддержки судов, осуществляющих правосудие. В частности, решения международного арбитража признаются и приводятся в исполнение государственными судами, в последующем на решения арбитражей выдаются исполнительные листы.

Таким образом, государственный суд рискует «стать марионеткой», исполняя решения арбитража, вынесенные по безнаказанно представленным фальсифицированным доказательствам. В своем крайнем проявлении это ведет к трансформации институтов, предназначенных для разрешения споров, в источник еще более острых конфликтов [1]. Кроме того, в случае с незаконными доказательствами противоречивые подходы арбитражных трибуналов затрагивают не только частные права. Стоит признать, что иногда речь идет не просто о нарушении норм права отдельной страны - ставятся под сомнение основные принципы любого разбирательства, а в ряде случаев и международный публичный порядок [2].

По российскому праву привлечение представителя к уголовной ответственности за фальсификацию доказательств в арбитраже также невозможно и по ст. 304 УК РФ, так как и эта статья не применяется к третейским разбирательствам [3].

Традиционная для российских государственных судов процедура уведомления свидетеля под роспись об ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ не применяется при рассмотрении дела в международном коммерческом арбитраже, поскольку, как было указано ранее, арбитраж не осуществляет правосудие с точки зрения диспозиции данной нормы.

Следовательно, дача заведомо ложных показаний в ходе арбитражного разбирательства, представление фальсифицированных доказательств не образуют соответствующего состава преступления с точки зрения российского уголовного законодательства.

Показательным в данном контексте является приговор Советского районного суда г. Волгограда от 9 октября 2017 г. по делу № 1-323/2017[4]. Как следует из обстоятельств дела, виновным Т. были использованы подложные документы, якобы подтверждающие наличие заемных обязательств, первоначально представленные при рассмотрении спора третейским судом (Пер-

вым арбитражным учреждением). На основании указанных документов третейским судом было принято решение о взыскании задолженности (денежных средств в размере 49 000 000 рублей и третейского сбора в размере 100 000 рублей). Впоследствии виновный обратился в государственный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, представив в том числе полный комплект подложных документов. Действия лица были квалифицированы по ч. 1 ст. 303 УК РФ как фальсификация доказательств по гражданскому делу с назначением ему наказания в виде штрафа в доход государства в размере 200 000 рублей.

Приведенный пример представляет интерес с точки зрения определения пределов уголовно-правовой охраны отношений, связанных с третейским разбирательством. Так, подложные документы фактически использовались еще при рассмотрении спора третейским судом (арбитражным учреждением) и послужили основанием для вынесения соответствующего решения. Вместе с тем уголовно-правовое значение в рамках ст. 303 УК РФ приобрело лишь последующее представление того же комплекта подложных документов в государственный суд при разрешении вопроса о выдаче исполнительного листа.

Таким образом, возникает ситуация, при которой представление сфальсифицированного доказательства непосредственно в третейском разбирательстве остается за пределами действия ч. 1 ст. 303 УК РФ, тогда как последующее представление такого доказательства в государственный суд может получить уголовно-правовую оценку по указанной норме. При этом наступление стадии обращения в государственный суд не является обязательным следствием каждого третейского разбирательства, что позволяет говорить о наличии пробела в уголовно-правовой охране соответствующего вида отношений.

По-нашему мнению, вышеописанное требует внимания научного сообщества и являет собой квалифицированное умолчание законодателя на выявленную проблематику.

Российский правопорядок в данной проблеме не одинок. Схожий подход можно заметить в уголовном законодательстве Швейцарии, где ст.306 Уголовного кодекса предусматривает ответственность за ложные показания стороны, т. е. истца или ответчика в гражданском судопроизводстве, а ст.307 Уголовного кодекса Швейцарии за ложные показания свидетеля и эксперта [5]. При этом в уголовном законодательстве отсутствует какое-либо примечание, позволяющее распространить действие представленных ранее норм на разбирательства в третейских судах, что является особо показательным для проарбитражной юрисдикции.

Возвращаясь к законодательству РФ, примечательно, что в соответствии с п. 1 ст. 11 ГК РФ защите нарушенных или оспоренных гражданских

прав осуществляет согласно подведомственности дел, установленной процессуальным законодательством, суд, арбитражный суд или третейский суд. Однако санкции уголовного права выводят из правового поля те же деяния (представление фальсифицированных доказательств), совершенные при разбирательствах в арбитраже.

Представляется, что арбитры должны обладать достаточными полномочиями для противодействия представлению фальсифицированных доказательств на протяжении всего разбирательства. В этом контексте арбитр должен соблюдать тонкую грань между «защитой» арбитражного разбирательства от недопустимых доказательств и недопущением превышения своих полномочий. В таких случаях перед арбитрами возникает еще один вопрос: перевешивает ли их обязанность сообщить о преступлении, если таковая имеется, принцип конфиденциальности арбитражного разбирательства, являющийся преимуществом данного способа урегулирования спора.

При этом в УК РФ с 2020 года действует ст. 200.7 УК РФ «Подкуп арбитра (третейского судьи)». Криминализация подкупа арбитра (третейского судьи) (ст. 200.7 УК РФ), как следует из Пояснительной записки к законопроекту о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ, обусловлена реализацией рекомендаций Группы государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО), а также отсутствием уголовной ответственности арбитров (третейских судей) за получение незаконного вознаграждения [6]. Таким образом, несколько лет назад законодатель уже признал некое существование общественной опасности какого-либо стороннего влияния на решение, вынесенное третейским судом. Возникает справедливый вопрос: по какой причине законодатель бездействует в вопросе криминализации представления фальсифицированных доказательств в рамках арбитража, ведь это является самостоятельной формой влияния на итоговое решение, обеспечиваемое принудительной силой государства.

Общественная опасность противоправного поведения в ходе третейского разбирательства не исчерпывается подкупом арбитра. Цель одной из сторон заключается в том, чтобы арбитражный трибунал вынес решение, основанное на ложных заявлениях, поддельных документах. Безусловно, стоит признать, что на данном этапе арбитры не располагают достаточными инструментами для оперативного выявления наличия преступного умысла. Одним из возможных решений данной проблемы могла бы стать криминализация умышленного представления фальсифицированных доказательств при разбирательствах с местом арбитража в России, а также возможностью последующего сообщения о преступлении при третейском разбирательстве. Пределы предложенной криминализации требуют дальнейшего научного осмысления с учетом необходимости соблюдения баланса между содействием развитию арбитраж-

ного разбирательства и контролем со стороны государства.

Указанное позволяет внести научные предложения о формировании самостоятельной нормы об ответственности за представление фальсифицированных доказательств в международном коммерческом арбитраже, что обусловлено общественной опасностью деяния.

Учет вышеизложенных тезисов и устранение выявленных правовых пробелов и квалифицированных умолчаний посредством криминализации деяний позволит получить большее доверие к разбирательствам с местом арбитража в России.

Список литературы:

- [1] Райзман У.М., Фридман Э.Э. Дилемма истца: незаконно полученные доказательства и приемлемость в международном судебном разбирательстве // *Американский журнал международного права*. 1982. Том 76. С. 737 – 753.
- [2] Новые горизонты международного арбитража: Сборник статей выступающих на конференции «Российский арбитражный день - 2018» / С.Н. Алехин, А.В. Асосков, А.В. Грищенко и др.; под науч. ред. А.В. Асоскова, А.И. Муранова, Р.М. Ходыкина. М.: Ассоциация исследователей международного частного и сравнительного права, 2018. Вып. 4. 349 с.
- [3] Международный коммерческий арбитраж: Учебник / С.А. Абесадзе, Т.К. Андреева, В.Н. Ануров и др.; отв. ред. Т.А. Лунаева; науч. ред. О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2018. Вып. 9. 965 с.
- [4] Приговор Советского районного суда города Волгограда от 09.10.2017 по делу № 1-323/2017. // СудАкм. URL: <https://sudact.ru/regular/court/resheniya-sovetskii-raionnyi-sud-g-volgograda-volgogradskaiia-oblast/> (дата обращения: 16.07.2026).
- [5] Уголовный кодекс Швейцарии / под ред. А.В. Серебрянниковой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 350 с.
- [6] Коренная А.А. Общественная опасность подкупа арбитра (третейского судьи) (ст. 200.7 УК РФ) // *Российский судья*. 2023. N 7. С. 24 - 29.

References:

- [1] Reisman W.M., Freedman E.E. The Plaintiff's Dilemma: Illegally Obtained Evidence and Admissibility in International Adjudication // *American Journal of International Law*. 1982. Vol. 76. P. 737–753.
- [2] New Horizons of International Arbitration: Collection of Papers Presented at the «Russian Arbitration Day – 2018» Conference / S.N. Alekhin, A.V. Asoskov, A.V. Grishchenkova et al.; scientific eds. A.V. Asoskov, A.I. Muranov, R.M. Khodykin. Moscow: Association of Researchers of Private International and Comparative Law, 2018. Issue 4. 349 p.
- [3] International Commercial Arbitration: Textbook / S.A. Abesadze, T.K. Andreeva, V.N. Anurov et al.; executive ed. T.A. Lunaeva; scientific eds. O.Yu. Skvortsov, M.Yu. Savransky, G.V. Sevastyanov. 2nd ed., revised and supplemented. St. Petersburg: Editorial Office of the Journal

«Treteyskiy Sud» (Arbitration Court); Moscow: Statut, 2018. Issue 9. 965 p.

[4] Judgment of the Sovetsky District Court of Volgograd dated October 9, 2017, in Case No. 1-323/2017 // SudAkt. URL: <https://sudact.ru/regular/court/resheniya-sovetskii-raionnyi-sud-g-volgograda-volgogradskaya-oblast/> (accessed: 16.07.2026).

[5] Criminal Code of Switzerland / ed. by A.V. Serebryannikova. – St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2002. – 350 p.

[6] Korennaya A.A. Public Danger of Bribery of an Arbitrator (Art. 200.7 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Rossiyskiy Sudya. 2023. No. 7. P. 24–29.

